

Свобода и техника

O liberté! Charme de mon existence, sans
qui le travail est torture et la vie une longue
mort!

Proudhon.

1.

Техническая революція, начавшаяся 150 лѣтъ назадъ, представляетъ собой наиболѣе поразительное явленіе изъ всего того, что намъ извѣстно объ исторіи человѣчества. «Въ самомъ буквальномъ смыслѣ вѣрно», говоритъ Рандаль*), «что для обыкновеннаго человѣка основные элементы труда и развлечения не подверглись существеннымъ измѣненіямъ отъ дней Хеопса строителя пирамидъ, до временъ Вашингтона, и что въ промежутокъ времени отъ Вашингтона до нашихъ дней преобразование было почти волшебнымъ. Въ наше время въ теченіе одного десятилѣтія происходитъ больше перемѣнъ, чѣмъ прежде въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, и скорость измѣненій все увеличивается».

Совершенно очевидно, что каждое техническое изобрѣтеніе, давая въ руки человѣку новое орудіе, увеличиваетъ для него — по крайней мѣрѣ теоретически — возможность выбора, и, слѣдовательно, расширяетъ его свободу. Находясь у себя дома, человѣкъ можетъ общаться лишь съ нѣсколькими лицами, его окружающими; но если передъ нимъ стоитъ телефонъ, онъ приобретаетъ возможность общенія съ любымъ изъ тысячъ и миллионныхъ людей; радіо и синема позволяютъ выбирать между множествомъ развлеченій, автомобиль и аэропланъ между множествомъ положеній въ пространствѣ и т. д. Свобода человѣка безконечно увеличивается по отношенію къ физическимъ условіямъ его существованія.

Также очевидно, что это расширеніе физической свободы сопровождается суженіемъ свободы соціальной. Вагнеровскіе

*) I. H. Randall, The making of the modern mind, стр. 594.

герои, живущие среди диких лесов, ни отъ кого не зависятъ. Но и крестьянинъ, обрабатывающій свой участокъ земли, лишь въ малой степени испытываетъ социальныя ограниченія свободы. Техническая революція привела прежде всего къ неслыханному росту населенія: мръ стала тѣснѣе, и неизбѣжно увеличилась зависимость челоуѣка отъ окружающихъ людей. Усовершенствованные способы передвиженія и сообщенія, расширяющіе сферу дѣятельности каждаго челоуѣка, увеличиваютъ эту тѣсноту: ежедневное бѣдствіе загроможденія парижскихъ или нью-іоркскихъ улицъ, съ которымъ такъ упорно и такъ безуспѣшно борются, является лишь внѣшнимъ выраженіемъ аналогичныхъ, но болѣе глубокихъ явленій. Указанія полицейской палочки или сигнала автоматовъ становятся необходимыми для того, чтобы люди могли существовать въ тѣснотѣ. Поддѣйствіемъ этихъ сигналовъ отдѣльные индивиды сбиваются въ организованныя толпы, двигающіяся, какъ одно цѣлое.

Каждое новое техническое изобрѣтеніе вызываетъ необходимость, ради использованія его, подчиниться извѣстному порядку, и сверхъ существующихъ системъ дисциплины налагаетъ свою новую дисциплину. Все будущее челоуѣка опредѣляется тѣмъ, сможетъ ли онъ преодолѣть это подчиненіе, т. е., освоившись съ нимъ, сохранить внутреннюю свободу и овладѣть могуществомъ, заключающимся въ техникѣ, или же, ставши частью цѣлага, утратить ту цѣль, ради которой только и можетъ быть осмыслена техника. Совершенно естественно поэтому, что важнѣйшая проблема современности (экономическая, политическая, духовная), вокругъ которой происходитъ борьба и раздѣленіе, есть проблема свободы, т. е. взаимоотношеній индивида и коллектива.

Между тѣмъ, принципъ свободы представляется нашему поколѣнію чѣмъ-то безнадежно пустымъ и плоскимъ. Тема свободы, долгое время наполнявшая политическую литературу, давно уже изсякла, будучи исчерпана до конца. Нѣкоторыя ея положенія кажутся смѣшными и старомодными; многія превратились въ школьныя прописи, которыхъ неловко касаться, вслѣдствіе крайней ихъ тривіальности.

Однако, это чувство неловкости приходится преодолѣть: такъ какъ на очередь поставлены и сомнѣнію подвергнуты самыя основы современнаго общежитія, то очевидно нельзя избѣжать повторенія азовъ, т. е. пересмотра формулъ тѣхъ временъ, когда эти основы складывались. Чтобы придти къ правильной постановкѣ современной проблемы, надо связать ее съ

начальными элементами той, — когда-то напряженно-страстной, а теперь полузабытой — дискуссии о свободѣ, которая тянулась въ Европѣ болѣе ста лѣтъ.

2.

«Свобода есть право дѣлать все то, что дозволено законами» — классическое опредѣленіе Монтеסקье до сихъ поръ сохраняеть свою свѣжесть.

Подобно современникамъ Монтеסקье (а можетъ быть и въ большей мѣрѣ, чѣмъ они) мы можемъ оцѣнить дальнѣйшее поясненіе, которое нѣсколькимъ промежуточнымъ поколѣніямъ должно было казаться безсодержательнымъ:

«политическая свобода гражданина состоитъ въ томъ спокойствіи духа, которое происходитъ отъ увѣренности каждаго въ своей безопасности... Нужно... чтобы гражданинъ не могъ опасаться другого гражданина».

Такимъ образомъ, свобода есть психическое состояніе; субъектомъ психическаго состоянія всегда является индивидъ; свобода всегда индивидуальна, т. е. она есть свобода отдѣльнаго человѣка.

Въ настоящее время врядъ ли нужно прибавлять, что эта концепція XVIII-го вѣка вовсе не была поверхностно-формальной. Формалистично воспринимали ее люди вольтеровскаго духа, несклонные къ глубокимъ конструкціямъ и легко мирящіеся съ неправдой сего міра. Но Вольтеръ, несмотря на всю свою славу, никогда не былъ настоящимъ вождемъ школы; для истинныхъ же представителей просвѣщенія за понятіемъ свободы скрываются совершенно опредѣленные социальныя воззрѣнія. Свободное общество рисуется человѣку 18-го столѣтія какъ идеализированная античная община, конечно освобожденная отъ позорнаго института рабства. Это есть общество мелкихъ собственниковъ. Свободный гражданинъ — земледѣлецъ, какъ Цинцинать, или ремесленникъ, какъ Сократъ. Онъ — трудящійся собственникъ.

Идея собственности, для людей Просвѣщенія, не заключаеть въ себѣ ни малѣйшаго оттѣнка привилегіи; напротивъ, это есть орудіе для обезпеченія всеобщаго благополучія.

Каждый имѣеть право на трудовое обезпеченное существованіе; власть была бы обязана, хотя бы путемъ большихъ затратъ, предоставить каждому работу, если бы осуществленіе

этого права не достигалось само собой, благодаря свободному обращению благъ.

Это ученіе XVIII-го вѣка о свободѣ, вызвавшее такія глубокія измѣненія въ мірѣ, рухнуло лишь тогда, когда свобода воплотилась въ жизнь, и стало очевидно, что ея недостаточно для обезпеченія людямъ чловѣческаго существованія.

Первая социалистическая литература строится какъ отвѣтъ философамъ Просвѣщенія и ихъ наслѣдникамъ-экономистамъ. «Планъ» сень-симонистовъ грозно возражаетъ — черезъ три четверти вѣка — на ученія энциклопедистовъ и физиократовъ. «Что же намъ говорятъ наши легисты, публицисты, экономисты? Сможетъ ли ихъ наука намъ доказать, что богатство и нищета должны остаться наслѣдственными?... Сможетъ ли она намъ доказать, что сынъ бѣдняка такъ же свободенъ, какъ и сынъ богача? Свободенъ! Когда нѣтъ куска хлѣба...»

Оказалось, что въ свободномъ обществѣ собственность все не распредѣляется между всѣми, или по крайней мѣрѣ между всѣми достойными, а напротивъ — превращается въ монополию меньшинства; что свободная конкуренція, отъ которой ожидали такихъ благотѣльныхъ воздѣйствій, безсильна, потому что участіе въ ней также доступно лишь членамъ этого привилегированнаго меньшинства; что огромная часть населенія лишена собственнаго крова, и какъ бы стоитъ лагеремъ среди чуждаго и враждебнаго ей общества *).

Это положеніе настолько нестерпимо; что нужно немедленно найти какой-то выходъ. Фурье, со своей обезоруживающей наивностью, такъ и говоритъ: «надо изобрѣсти такой режимъ, въ которомъ каждый, даже самый бѣдный плебей, былъ бы соучастникомъ и собственникомъ».

Изобрѣтеніе комивояжера Фурье заключалось, какъ извѣстно, въ расселеніи людей по гостиницамъ (окруженнымъ мастерскими, садами и полями), въ которыхъ номера, а также и рестораны, примыкающіе къ гостиницѣ, были бы разнаго достоинства, въ зависимости отъ капитала и труда, вложеннаго постояльцами въ общее предпріятіе, а жизнь заключалась бы въ быстрой смѣнѣ различныхъ работъ, организованныхъ по артельному-акціонерному принципу.

Надъ Фурье очень легко смѣяться — вѣрнѣе, трудно не смѣяться, — а между тѣмъ, этому несомнѣнно гениальному че-

* По знаменитому выраженію Канта: «le prolétariat campe au milieu de la société occidentale, sans y être encore casé» (Politique positive, t. II ch. 6).

ловѣку дѣйствительно принадлежить честь настоящаго изобрѣтенія, хотя и неприложимаго. Объ остальныхъ основоположникахъ социализма и того нельзя сказать, потому что ихъ изобрѣтенія, поскольку они ихъ высказывали съ достаточной ясностью, сводились къ идеѣ, старой, какъ человѣчество: къ тому, чтобы сосредоточить производство и распредѣленіе благъ въ рукахъ правительства.

Сушность этого втораго этапа дискуссіи о свободѣ съ достаточной ясностью опредѣлилась къ 48-му году; когда въ исторической рабочей комиссіи въ Люксембургѣ, подъ предсѣдательствомъ Луи Блана, принялись выработать систему организациіи труда, обнаружилось, что, несмотря на всѣ разглагольствованія объ ассоціацияхъ, ничего конкретнаго и реальнаго, кромѣ огосударствленія производства, придумать невозможно.

Этотъ діалектическій скачекъ середины прошлаго вѣка отъ мечты о счастливой и свободной организациіи человѣка къ коллективистическому рабству, конечно, производитъ потрясающее впечатлѣніе*). Отклики его до сихъ поръ сохраняютъ всю свою силу.

У Ламеннэ есть страницы, на которыхъ вопросъ ставится съ непрезойденной ясностью:

«Чтобы свобода была индивидуальной — а свобода можетъ быть только индивидуальной — нужно, чтобы... и собственность, сообразно природѣ своей, была индивидуальной... Между тѣмъ, социалисты и коммунисты... предлагаютъ, какъ средство для уничтоженія пролетаріата и освобожденія пролетарія, абсолютную концентрацію собственности въ рукахъ государства; въ самыхъ общихъ терминахъ, задача, которую надо разрѣшить, и рѣшеніе, которое дають эти двѣ системы, могутъ быть выражены слѣдующимъ образомъ:

Задача: найти организацию, при которой всѣ были бы собственниками.

Рѣшеніе: произвести переустройство, при которомъ никто не былъ бы собственникомъ.

Или же:

Задача: осуществить условія всеобщей свободы.

*) Заключеніе Шигалева въ «Бѣсахъ», «выходя изъ безграничной свободы я заключаю безграничнымъ деспотизмомъ», въ сущности, даже не карикатура: это глава изъ исторіи идей, сгущенная въ формулу.

Рѣшеніе: учредить основы всеобщаго рабства».

Еще ярче и сокрушительнѣй аргументація Прудона. Этотъ человекъ, прославившійся озорной фразой «la propriété — c'est le vol», создалъ самую глубокую формулировку неразрывной связи между свободой и собственностью.

«Для того, чтобы гражданинъ представлялъ собой нѣчто въ государствѣ, недостаточно, чтобы онъ былъ лично свободенъ; нужно, чтобы его личность, какъ и личность государства, опиралась на частицу матеріи, надъ которой бы онъ господствовалъ суверенно... Это условіе выполняется собственностью.

Служить противомѣсомъ власти, уравновѣшивать государство, обеспечивать такимъ путемъ индивидуальную свободу: такова, въ политической системѣ, важнѣйшая функція собственности; уничтожьте эту функцію или, что равносильно, отнимите у собственности ея абсолютный характеръ; обставьте ее условіями, объявите ее неотчуждаемой или недѣлимой, тотчасъ же она теряетъ свою силу, и ничего болѣе не вѣситъ... Государственная власть есть сила стремящаяся къ концентраціи; дайте ей просторъ, и вскорѣ всякая индивидуальность исчезнетъ, поглощенная коллективомъ; общество впадетъ въ коммунизмъ; собственность, напротивъ, есть сила, стремящаяся къ децентрализаціи; будучи сама абсолютной, она анти-деспотична и анти-унитарна *)).

Въ сущности, на этомъ столѣтняя дискуссія заканчивается. Тема исчерпана. Свобода, воплотившаяся въ «принципахъ 89-го года», оказалась мнимой, вѣрнѣе — доступной лишь меньшинству; для освобожденія большинства выдвинуто было только одно средство: коллективизмъ, т. е. полный отказъ отъ свободы, абсолютное рабство.

Выхода какъ будто нѣтъ. Дѣйствительно, съ Прудономъ обрывается такъ наз. утопическій социализмъ, серія такихъ коллективистическихъ системъ, авторы которыхъ предлагали, вмѣсто существующаго экономическаго строя, установить другой, придуманный ими. Наступаетъ эра научнаго социализма, т. е. такого, который рѣшительно ничего не предлагаетъ, а просто призываетъ разрушить существующую экономическую систему (точнѣе — способствовать ея неминуемому разрушенію), въ виду того, что на развалинахъ возникнетъ новый строй, опи-

*) Théorie de la propriété, ch. 6.

сать который заранее невозможно, но который непременно будет соответствовать идеалу, совмещающая в себя категории свободы и материального благополучия. Новое социалистическое движение, достигшее неслыханной широты и выработавшее целый ряд временных конкретных программ, в коренном вопросе общественного устройства довольствовалось мистической верой в прыжок из царства необходимости в царство свободы.

3.

Задача уничтожения пролетариата, поставленная в первой половине XIX века, осталась неразрешенной. Во второй половине века, пролетарии, из нищих и беззащитных париев, превратились в полноправных избирателей; путем упорной борьбы целых поколений, они добились больше или меньше человеческой оплаты труда, приобрели пиджаки и галстуки, из вонючих притонов переехали в дешевые квартиры с душем и газом; нередко быть рабочим мог казаться крестьянину образцом комфорта и достатка.

Но при всем том, пролетарий, хотя и вооруженный избирательной карточкой, не стал настоящим гражданином общества, основанного на свободном обращении благ; будучи лишен экономическою свободой, выполняя зависимую и рабскую роль в процессе производства, не участвуя в свободной конкуренции, — этой основе гражданского общения — и, следовательно, не имея надежды индивидуальными усилиями обеспечить рост своего благополучия, пролетарий оставался чужеродным элементом, не поддающимся духовной ассимиляции, гражданином фантастического будущего полиса.

Пролетария не удалось сто лет назад приобщить к индустриальному соревнованию, сделать его соучастником общества собственников, свободным тружеником, лично ответственным за свою судьбу. Произошло обратное: пролетарский дух коллективной анонимности и личной безответственности постепенно охватил все общество.

Этот процесс, начало которого лежит еще в XIX в., на наших глазах приводит к полному изменению социальной структуры; в самой сердцевине общественных отношений — в области гражданского права — с неслыханной быстротой преобразуются основные институты, воплощающие в себя вековые принципы европейской культуры, выращенные ею идеи

человѣческой личности, идеи свободы человѣка и его назначенія на землѣ.

Такія преобразованія привлекаютъ общее вниманіе и облекаются въ яркія декларативныя формулы, поскольку они связаны съ перекраской политическаго зданія; но гораздо значительнѣе то, что въ обществахъ наиболѣе устойчивыхъ и держащихся пока что за прежнія формы политическаго быта, хотя и нѣсколько медленнѣе, но происходитъ та же глубокая внутренняя трансформация.

Для задачъ настоящей статьи достаточно нѣсколькихъ примѣровъ.

Не приходится доказывать, что вещныя права со дня на день геряютъ свой абсолютный характеръ. Каждый знаетъ, что собственникъ предпріятія подчиненъ въ наши дни сложной регламентации, опредѣляющей, въ какіе часы онъ можетъ использовать свою собственность, каковы должны быть методы производства и т. д.

Свобода договоровъ постепенно исчезаетъ. Современная доктрина и юриспруденція приписываютъ судѣ новую роль, заставляютъ его оцѣнивать сдѣлку съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ, и даже съ точки зрѣнія цѣлесообразности, предоставляя возможность отказать въ правовой защитѣ, подъ предлогомъ экономической бесполезности сдѣлки.

Чѣмъ же долженъ руководствоваться судья, выполняя свою новую функцію, которая предполагаетъ энциклопедическую полноту техническихъ и хозяйственныхъ познаній? Гдѣ найдетъ онъ критерій общественной пользы? Очевидно, этотъ критерій будетъ данъ соотвѣтственными органами власти, наиболѣе компетентными въ данномъ вопросѣ. Такъ автономія человѣческой воли замѣняется постановленіемъ администраціи.

Съ этимъ связано и новое теоретическое ученіе о договорѣ, по которому правоотношеніе вовсе не создается волей сторонъ; оно всегда есть порожденіе коллектива; стороны лишь прилагаютъ къ конкретному случаю эту волю коллектива.

Логическимъ порожденіемъ новой системы возрѣній является и теорія о злоупотребленіи правомъ. Повѣтка назадъ еще безраздѣльно господствовала римская максима: *neminem laedit qui suo jure nititur*. Считалось совершенно безсмысленнымъ спрашивать, почему человѣкъ такъ или иначе используетъ свое право. Въ настоящее время, напротивъ, все глубже укореняется ученіе, по которому всѣ права относительны: они даны человѣку для опредѣленной цѣли. Использование права ради анти-соціальной цѣли есть злоупотребленіе. Слѣдовательно,

субъектъ права долженъ отчитываться въ осуществленіи даннаго ему правомочія. Чтобы опредѣлить взаимоотношенія сторонъ, ихъ права на возмѣщеніе убытковъ и т. д., нужно поставить вопросъ не только о томъ, напр., имѣлъ ли собственникъ или наниматель право расторгнуть договоръ о наймѣ, но и о томъ, съ какой цѣлью онъ его расторгнулъ.

Примѣненіе телеологическаго понятія социальности логически приводитъ къ тому, что всѣ границы правовыхъ сферъ стираются. Нѣтъ болѣе твердо очерченнаго пространства, въ которомъ человѣкъ можетъ распоряжаться исключительно по своему разумію. Напротивъ, онъ всегда обязанъ дѣйствовать ради социальныхъ цѣлей, т. е. находится въ неограниченной зависимости отъ тѣхъ, кто опредѣляетъ конкретное содержаніе этихъ цѣлей.

Такимъ образомъ, субъективное право исчезаетъ. У индивида нѣтъ болѣе правъ, а одиѣ лишь обязанности: онъ является обязанностями не по отношенію къ ближнимъ, но къ коллективу, который и становится единственнымъ субъектомъ всѣхъ правъ.

Ни въ чемъ, однако, не сказывается съ такой яркостью новая пролетарско-коллективистическая концепція міра, какъ въ понятіи риска и отвѣтственности.

Индивидуальная свобода означаетъ, что человѣкъ самъ выбираетъ свой путь и несетъ всѣ послѣдствія выбора. Заключивши обязательство, онъ долженъ исполнить его изъ послѣднихъ силъ, хотя бы его рѣшеніе было въ свое время основано на ошибочномъ расчетѣ, на недостаточномъ предвидѣніи будущаго и т. д. Судьба на каждомъ шагѣ подстерегаетъ человѣка, и онъ борется съ ней за свой страхъ и рискъ, самостоятельно переноситъ ея удары. Если случайно погибла вещь, тѣмъ хуже для собственника: *res perit domino*; если случайно пострадалъ человѣкъ, тѣмъ хуже для него: никто не отвѣтственъ за его судьбу.

За послѣдніе десятки лѣтъ эти взгляды подверглись глубокому намѣненію. Нечего и говорить, какъ уменьшилась отвѣтственность за принятія на себя обязательства. Отвѣтственность должника своей личностью кажется намъ далекимъ варварствомъ, хотя всего сто лѣтъ назадъ долговая тюрьма существовала повсюду. Постепенно ограничивается и ослабѣваетъ и имущественная отвѣтственность.

Отказываясь отвѣчать по своимъ обязательствамъ, человѣкъ еще рѣшительнѣе отказывается переносить падающіе на него удары судьбы. Принципъ отвѣтственности за дѣйствія вытѣс-

няется принципомъ возмѣщенія ущерба. Когда машина наноситъ увѣче рабочему, не ставятъ вопроса, произошло ли это по винѣ фабриканта, или же самого пострадавшаго. Рабочій — человекъ зависимый, и хозяинъ стоитъ между нимъ и судьбой.

Этотъ принципъ устраненія риска постепенно проникаетъ все общество. Каждая катастрофа должна дать право на возмѣщеніе ущерба. Рискъ въ конечномъ счетѣ падаетъ на общество, путемъ ли всеобщей практики страхованія, или путемъ прямого вмѣшательства власти, приходящей на помощь тѣмъ, кто пострадалъ при наводненіяхъ, пожарахъ, градобитіяхъ и т. п. Страхуваніе комерческой прибыли, допускаемое въ нѣкоторыхъ случаяхъ, есть крайнее и парадоксальное выраженіе этой тенденціи. Рискъ социализируется; человекъ переноситъ отвѣтственность за свою судьбу со своихъ плечъ на плечи коллектива.

4.

Хотя и съ различной быстротой, новый правовой порядокъ кристаллизуется повсемѣстно. Нѣтъ болѣе государствъ, которыя оставались бы на почвѣ индивидуализма. Кодексъ Наполеона — этотъ символъ свободнаго гражданскаго общества — отмираетъ даже на своей родинѣ.

«Гражданское право съ каждымъ днемъ исчезаетъ подъ потокомъ отдѣльныхъ распоряженій... Юристы-практики хорошо знаютъ, что гражданскій кодексъ почти не примѣняется болѣе».

«...Чтобы утѣшиться, юристы повторяютъ, что новое право есть право исключительное; профессора его не преподають и въ учебникахъ гражданскаго права о немъ не пишутъ... Но въ то время, какъ они вздыхаютъ о закатѣ великихъ принциповъ, исключительные законы увеличиваются въ числѣ и въ значеніи; они управляютъ всей жизнью. Къ прежнему праву болѣе не вернуться» *).

Какъ въ XIX в. различныя европейскія государства, въ своемъ конституціонномъ устройствѣ, несмотря на нѣкоторыя индивидуальныя особенности, представляли собой различные этапы одного общаго процесса развитія, направленіе котораго

*) Ripert, Le régime démocratique et le droit civil moderne, 1936

было совершенно очевидно — от абсолютизма к демократии; — так теперь, по социальной своей организации, отдельные государства воплощают различные фазы единой эволюции — от индивидуализма к коллективизму.

Новая начала, входящая в жизнь, почти не вызывают принципиального сопротивления. Борьба ведется вокруг групповых и классовых интересов, носит поверхностный характер, не соответствующий глубине и грандиозности происходящих перемен.

Нькогда Бенжамен Констан вѣрилъ, что «деспотизмъ, бывшій возможнымъ у древнихъ, невозможенъ у современныхъ людей», такъ какъ европейцы, предавше личную свободу, стали бы упорно защищать ее. Въ дѣйствительности, отречение индивида отъ своей самостоятельности произошло и происходитъ на нашихъ глазахъ безропотно, потому что для большинства людей подлинная жизнь давно уже протекаетъ въ условіяхъ личной зависимости; а можетъ быть въ еще большей мѣрѣ потому, что принципъ свободы давно уже утратилъ свой этический вѣсъ — съ того самаго времени, какъ оказалось, что свобода не спасаетъ бѣдняка отъ голодной смерти.

Современная борьба ведется не противъ начала коллективизма, какъ такового, а вокругъ различныхъ способовъ его осуществления; тѣ промежуточные формы, которыя Западная Европа противопоставляетъ надвигающемуся чудовищу, сводятся по преимуществу къ защитѣ привилегій, предоставляемыхъ извѣстнымъ группамъ лицъ прежними институтами, при утратѣ социального смысла, содержавшагося въ этихъ институтахъ.

Провозглашеніе собственности «общественной функцией» явилось отвѣтомъ на революціонное требованіе экспроприации; но, отрекаясь отъ своей истинной функции свободного руководства и связаннаго съ нимъ риска, признавъ относительность своихъ правъ и подчиняясь все болѣе тѣсной регламентаціи, г. е. сдавая свои принципиальныя позиціи, собственникъ только выгадываетъ время. Рокового конца этими средствами все равно не избѣжать. Средневѣковое государство могло предписывать портнымъ и сапожникамъ детали ихъ производства, оставляя ихъ все же хозяевами предпріятій; при современной техникѣ это совершенно бессмысленно. Функции надзора и исполненія гораздо лучше осуществить присланный государствомъ инженеръ. Собственникъ, ограниченный въ правахъ и въ отвѣтственности, неизбежно обреченъ на исчезновеніе.

Въ современномъ мѣрѣ нѣтъ социального идеала, который могъ бы быть противопоставленъ побѣдоносному коллективиз-

чу. Человѣкъ колеблется между различными коллективами, въ особенности между классомъ и націей, но каждый изъ нихъ одинаково поглощаетъ личность до конца. Всего сорокъ лѣтъ назадъ Жоресъ могъ съ полнымъ убѣжденіемъ писать, что «соціализмъ есть логическое и полное завершеніе индивидуализма»; въ настоящее время крики о «расцвѣтѣ личности» въ Сов Союзѣ только подчеркиваютъ, что лишенный субъективныхъ правъ, утратившій юридическую и экономическую свободу, человѣкъ перестаетъ быть самимъ собой, и становится частью общественнаго инвентаря. Явленія, которыя еще вызываютъ въ настоящее время отвращеніе и жгучую полемику, какъ отказъ отъ правила *nulla poena sine lege*, стерилизаціи и вообще начатки принудительной евгеники, принципиальная отмена свободной мысли — все это совершенно логическія и необходимыя мѣры для социальнаго регулированія извѣстныхъ сферъ человѣческаго поведенія съ того момента, какъ индивидъ пересталъ быть самостоятельной личностью и вся отвѣтственность за его судьбу перешла къ коллективу.

5.

Побѣда коллективизма есть, конечно, слѣдствіе технической революціи, но притомъ вовсе не новѣйшей ея фазы, начавшейся лѣтъ 20-30 назадъ, а тѣхъ великихъ изобрѣтеній, которыя создали промышленность XIX вѣка. Съ того времени, какъ толпы рабочихъ собрались вокругъ машинъ, и общественный строй, основанный на идеалахъ эпохи Просвѣщенія, не могъ найти имъ мѣста, его судьба была рѣшена. Соціально-психическія основы происходящей на нашихъ глазахъ трансформациіи цѣликомъ лежатъ въ прошломъ вѣкѣ.

Однако, благодаря новѣйшимъ достижениямъ техники, коллективистическая идея — этотъ, по выраженію Прудона, «допотопный абсурдъ, ползушій, въ теченіе тридцати вѣковъ, среди общества, какъ улитка среди цвѣтовъ», начинается играть новыми красками. 150 лѣтъ, назадъ Бабефъ хотѣлъ посадить человечество на солдатскій паекъ; идеальныя общины Кабе или Оуэна, въ серединѣ XIX в., также могли предложить не многимъ больше. Въ настоящее время соблазнъ принимаетъ гораздо болѣе заманчивыя формы.

Какъ извѣстно, группа американскихъ инженеровъ выступила въ 1932 г. съ предложеніемъ осчастливить человечество, причемъ ихъ проекты ни въ какой связи не стояли съ исторически развившимися социальными идеями, а покоились всецѣ-

до на технических наблюдений и расчетах. Они исходили из того, что в технике наступил переломъ. До Великой войны машины помогали человеку, со времени войны онъ стал вытѣснять человека. В течение 5.000 лѣтъ работникъ производилъ въ день 450 кирпичей, теперь онъ производитъ 400 тысячъ кирпичей въ день; сто лѣтъ назадъ работникъ за годъ производилъ 25 тоннъ чугуна, а теперь 4.000 тоннъ. Значеніе человеческого труда, человеческого матеріальнаго усилія съ начала XX вѣка, а особенно въ послѣдніе годы имѣетъ тенденцію сойти къ нулю. Физическая сила рабочаго населенія Соед. Штатовъ всего 3,6 милліона HP, дѣйствительное же количество энергіи, которымъ располагаютъ Соед. Штаты, — милліарды лощ. силъ. Возникаютъ фабрики, въ которыхъ вообще нѣтъ примѣненія человеческой силъ: онѣ управляются однимъ человекомъ, который даже находится не на самой фабрикѣ, а далеко отъ нея, въ конторѣ, и тамъ нажимомъ кнопки приводить машины въ дѣйствіе. Возможности индустріи далеко превосходятъ человеческія потребности. Фабрики, существующія въ Соед. Штатахъ, могутъ произвести въ годъ 900 милліоновъ паръ обуви, т. е. въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ нужно. Приходится принимать ограничительныя мѣры, чтобы избѣжать бѣдствій, происходящихъ отъ технического богатства. Если бы свободно примѣнять рацію, она бы уничтожила шерстяную, бумажную и хлопчатобумажную индустрію, и люди имѣли бы за гроши всевозможныя ткани и бумагу; если бы новыя изобрѣтенія не подвергались корыстному бойкоту, то вмѣсто обыкновенныхъ ножей для безопасной бритвы, можно было бы изготовить непритупляющіеся ножи, которые стоили бы всего на 20% дороже и служили бы владѣльцу всю жизнь; можно бы пустить въ продажу вѣчныя спички и т. д., и т. д.

Смысль этого новаго Евангелія сводился къ тому, что достаточно обществу взять въ свои руки производство и организовать его рационально, используя всѣ возможности современной техники, чтобы въ Соед. Штатахъ всему населенію была обеспеченъ уровень жизни въ 10 разъ болѣе высокій, нежели въ 1929 г., который былъ, какъ извѣстно, кульминаціоннымъ годомъ американской prosperity; при этомъ работать каждому пришлось бы всего 660 час. въ годъ, т. е. около 2 час. въ день.

Теоріи технократовъ подверглись жесточайшей критикѣ. Въ ихъ вычисленіяхъ найдены были грубыя ошибки. Въ частности, они исходили изъ предположенія, что промышленность реорганизована по наиболѣе рациональнымъ методамъ и цѣлкомъ снабжена самымъ усовершенствованнымъ оборудованіемъ.

емъ, но не думали о томъ, гдѣ взять средства для такой ея реорганизациіи.

Эта критика была сокрушительна, поскольку технократы считали свое ученіе программой для немедленнаго дѣйствія; она, однако, не ослабляетъ ихъ основной идеи — освобожденія людей отъ бремени механическаго труда. Ошибаясь въ деталяхъ и забѣгая впередъ, технократы все же создали образъ того, что можетъ дать современная машина при рациональномъ использованіи.

Предоставивши мудрымъ вождямъ всѣ заботы объ устройствѣ жизни, жертвуя свободой и самостоятельностью, человѣкъ получаетъ взаменъ не койку въ казармѣ, а жилище, снабженное всѣми усовершенствованіями комфорта; не солдатскую похлебку, а произведеніе изысканной гастрономіи; усиліе, которое требуется отъ него, занимаетъ лишь небольшую долю его времени.

Эта заманчивая картина богатства, раскрывающагося при соответствующемъ общественномъ устройствѣ, есть, конечно, новый стимулъ въ сторону коллективизма. Нетрудно замѣтить въ ней, однако, и вѣроятный ключъ къ его преодолѣнію.

Толпы людей, заполняющія въ наше время всѣ столицы міра, марширующія по указкѣ и слѣпо повинующіяся своимъ вождямъ, состоятъ изъ людей, привыкшихъ съ утра до ночи слушать машиннѣ, воспитанныхъ въ автоматическомъ подчиненіи. Это они вложили свою бездушную, пролетарскую идею въ современное общество и превратили его въ неограничнаго владыку надъ человѣкомъ.

Выйдя изъ-подъ власти машины, т. е. доведя ее до такой степени совершенства, что она перестанетъ поглощать большую часть его жизни, не освободится ли человѣкъ отъ пролетарской, рабской психики? Не захочетъ ли вернуть себѣ духовную самостоятельность? Примирится ли съ ролью неразсуждающей частицы пѣлаго?

6.

Истинное освобожденіе отъ коллективизма означаетъ не отказъ отъ него и возвращеніе вспять, а его внутреннее преодоленіе. Грандіозное столѣтнее движеніе, подготовившее нынѣшнюю мутацию, имѣло два основныхъ корня: зависть и жалость. Зависть можно удовлетворить только полнымъ поработаніемъ человѣка, приведеніемъ его къ священному равенству: по Бабефу, тотъ, кто работаетъ за четверыхъ, подлежитъ уничтоже-

ню, какъ заговорщикъ противъ общества. Жалость требуетъ гораздо меньшаго: сохраняя право индивида самому бороться за свою судьбу, смягчить формы этой борьбы, создать тотъ уровень, ниже котораго не упадутъ неудачники.

Ростъ технического могущества открываетъ возможность такого строя, въ которомъ всеобщее и неограниченное удовлетвореніе самыхъ насущныхъ человѣческихъ потребностей вовсе не должно поглотить всѣхъ производительныхъ силъ; послѣ тѣхъ «660 часовъ въ годъ», которые съ такой комической точностью подсчитали технократы, остаются еще тысячи свободныхъ часовъ. Рядомъ съ коллективнымъ, т. е. подневольнымъ хозяйствомъ, остается мѣсто для хозяйства индивидуальнаго, т. е. свободнаго.

Эта свобода, раскрывающаяся по ту сторону коллективизма въ обществѣ, освобожденномъ отъ бремени нищеты, есть настоящее разрѣшеніе дискуссіи о свободѣ, оставшейся незаконченной въ прошломъ вѣкѣ. Но для того, чтобы человекъ, отбывшій свою социальную повинность передъ коллективомъ, былъ въ остальномъ дѣйствительно свободенъ, завтра — какъ и вчера — необходимо будетъ, чтобы онъ являлся субъектомъ абсолютныхъ правъ; чтобы онъ самъ опредѣлялъ свой путь и отвѣчалъ за свои дѣйствія — хотя, конечно, его рискъ былъ бы автоматически ограниченъ наличиемъ неотчуждаемаго пая въ общественномъ хозяйствѣ; необходимо будетъ, чтобы его духовная самостоятельность опиралась на рѣзко очерченную сферу дѣйствія, въ которой онъ являлся бы сувереннымъ распорядителемъ, т. е. хозяиномъ, собственникомъ. Въ этомъ смыслѣ связь свободы и собственности неразрывна и вѣчна.

Какимъ бы рабствомъ ни грозила человѣку современная техника, защита должна заключаться не въ безсильныхъ попыткахъ ограничить ея развитіе и разбить машины, а только въ опытахъ основать свободу на техникѣ.

На рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ, въ то время, когда въ шумѣ революціи закладывались основы новаго свободнаго строя, выражавшаго идеи Просвѣщенія, уже изобрѣтены были паровая машина и ткацкій станокъ, которымъ предстояло разрушить этотъ строй; очень можетъ быть, что и теперь, когда закладываются основы рабскаго коллективистическаго строя, выражающаго идеалы прошлаго столѣтія, уже готовы тѣ техническія орудія, которымъ суждено этотъ строй разрушить.

Ю. К. Рапопортъ.